

Андрей КИВИНОВ

БОЕВАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

ОДНОКЛАССНИЦА.РУ
ЛЮБОВЬ ПОД ПРИКРЫТИЕМ

Андрей Кивинов
Одноклассница. ru

«Автор»

2012

Кивинов А. В.

Одноклассница. ru / А. В. Кивинов — «Автор», 2012

ISBN 978-5-271-42192-1

Освободившийся из колонии молодой человек Паша Угрюмов безуспешно пытается адаптироваться на свободе и постепенно скатывается на дно жизни. Когда до окончательного падения остается совсем немного, он встречает свою одноклассницу, которая в школе была в него влюблена. Чтобы не выглядеть в ее глазах неудачником, он выдает себя не за того, кто есть на самом деле. И эта ложь начинает оказывать на него весьма неожиданное влияние...

ISBN 978-5-271-42192-1

© Кивинов А. В., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Андрей Кивинов

Одноклассница. ru

Запрещается читать сказку в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, а также находясь за рулем транспортного средства.

Все товары и услуги, скрыто рекламируемые в сказке, имеют соответствующие лицензии и сертификаты.

Глава 1

Говорят, самое трудное для рассказчика – придумать первую фразу. Я не буду заморачиваться и сразу перейду ко второй:

– Какая сволочь наблевала?!!

Фраза, спешу заверить, принадлежит не мне, а молодому человеку с пушкинским именем Герман. Или – сокращенно – Гере. Моему знакомцу-приятелю.

Вопрос задан эмоционально, с истинным интересом. Так эмоционально, что я вынужден проснуться и открыть тяжелые веки.

– Чего?..

– Кто наблевал, спрашиваю?! – Герин трясущийся от возмущения перст указывает на засохшую бурую кашу на полу возле стола, в которой покоится бутылка из-под зажигательной смеси «Русский стандарт».

– Да какая разница, – вяло отвечаю я, – это ж не радиоактивные отходы. Не сдохнем...

– Да на зоне за такие косяки печень вырезают!

Не вырезают... Бывал, знаю. В худшем случае лицо набьют и убрать заставят, да и то, если ты в нижней части табели о рангах. А так – чуханы уберут... Просто Герман таким манером поднимает авторитет в глазах окружающих и зарабатывает копеечную популярность.

– Как это, наверно, несправедливо... – Я роняю голову обратно на свернутые джинсы, служащие подушкой, но глаза уже не закрываю.

С левой половинки дивана веет легким весенним перегаром. Это к вопросу об окружающих. Дама. Не сказать, что преклонных лет. Застряла где-то между восемнадцатью и тридцатью. Как звать, не помню, хоть убей, при том что провалами в памяти после застолья не страдаю. И сегодня не провалился, но ФИО не запомнил. А кто запомнит? Только накануне познакомились.

Дама тоже просыпается и, пугающе зевнув, обращает внимание на лежащее рядом тело. Мое тело, если его можно еще называть телом. О, майн Гад, какая прелесть! Глазки, как страшные сказки. На ночь в них лучше не смотреть. Хочется спрятать голову под подушку. Но подушки нет, есть джинсы. Не исключено, я вступил с ней в интерактивную половую связь. Я – чье воспитание и вкус практически безупречны!.. Водка творит настоящие чудеса.

– Паш, там сигареты на столе. Дай, а...

У дамы низкий сексуальный голос с шумовыми никотиновыми эффектами. Наверное, на голос я и повелся. Работал на слух. Она, кстати, мое имя запомнила. Или угадала.

Не вставая, нащупываю мятую пачку «Союза-Аполлона» и поджигалку.

Герман, закончив арию, удаляется в соседнюю опочивальню. К своей пиковой даме.

– Чего он разорался, Паш? – Женщина блаженно затягивается и выпускает в потолок паровозный столб дыма. – Сам же и наблевал, козлина...

– Точно?

– Мы с Галкой его с пола поднимали.

– А я где был?

– Ну ты за столом... Сидел.

– А потом?

Все-таки провалы бывают даже у стойких деревянных солдатиков.

– Потом на диван перенесли.

Похоже, работы на слух не было. И вообще ничего не было. По техническим причинам. После такой дозы даже Терминатор не сумел бы. Или было? Так, ради прикола интересно...

– А разделся сам? – Я украдкой глянул под диванное покрывало, служившее одеялом, и обнаружил, что нахожусь в одних носках.

– Ну, в общем, да... Почти.

Еще один осторожный взгляд на соседку. Она тоже без покрывала. Неужели воспользовалась моим беспомощным состоянием?! Да еще вместе с Галкой? Плохая девочка! Надо бы поинтересоваться аккуратно, не страдает ли хроническими или наследственными заболеваниями, вроде синдрома приобретенного иммунодефицита или гриппа. Но сначала хорошо бы вспомнить имя. Как же ее... то ли Лена, то ли Света...

Пытаюсь воссоздать картину минувшего дня. Примерно в 15.30 по Москве встретились с Германом возле «Пятерочки». Он угощал. Где-то разжился денежными знаками. У меня были иные планы – филармония или на худой конец библиотека, но он уломал пойти в «Эрмитаж». Это рюмочная такая. Я не очень люблю эту подвальную забегаловку, предпочитаю «Три шестьдесят две», названную в честь стоимости социалистической поллитровки, – публика там более пристойная, окурки с пола не поднимает и двадцать грамм оставить не канючит. Салфетки, обратно, на столиках, бачок на унитазах не сломан, картинки на стенах серьезные... Но Геру почему-то тянет в «Эрмитаж».

Но ближе к делу. В «Эрмитаже» долго не задержались – скучно. А напиться – не самоцель. Для этого не обязательно по заведениям ходить, можно и в домашней обстановке. Хотелось чего-то теплого... светлого. Я в духовном плане, а не про пиво. Вот, нашли... Вернее, Гера постарался, пока я уточек у пруда кормил. Привел откуда-то парочку. В сумерках вроде бы симпатичные. «Знакомьтесь, это Паша». – «Очень приятно. Ну что, пошли на каруселях кататься? Или сразу party?» К слову, уже третья за неделю. «Конечно, сразу».

Party начинается с гастронома. Затарились в той же «Пятерочке». Шампанское для дам, остальное для мужчин. Гера шикавал – взял маслин на закуску. Потом поймал частника и за сотню домчал до своей хрущевки, находящейся метрах в пятидесяти от торгового учреждения. То есть по два рубля за метр. Дамы были сражены. Я – нет. Не люблю понты.

Поднимаясь на последний этаж, мы делились многообещающими анекдотами неполитического содержания. Чувствовалось, девочки любят посмеяться.

Гера живет с родителями, которые неделю назад умотали на дачный участок сажать лук. Поэтому никто не мог удержать нас в рамках приличий.

После третьего тоста «За тех, кто не с нами» Гера пригласил одну из дам на тур вальса. Магнитола не фурычила – падение с серванта и травма, несовместимая с жизнью. Аккомпанировал телевизор. Реклама, как правило, идет под звуки му. Когда зазвучала тема «Индезит», я тоже не удержался и пустился в пляс, хотя не очень люблю данное развлечение. По мне лучше на ринге пару раундов повальсировать.

Что было потом? Художественная самодеятельность. Гера показал свой коронный трюк: открыл пивную бутылку глазом. Барышни от восторга захлопали в ладоши: «Прелестно!» Я хотел почитать наизусть Ницше, но буквально после первого же предложения народ заскучал, и мы вернулись к пиву.

А дальше была потеря ориентации. В хорошем смысле слова. На последней картинке, всплывшей в памяти, был запечатлен голый по пояс Герман в отцовских кирзачах, кричавший, что вот-вот начнется война с Америкой, и мы пойдем под ружье. А потом щемяще, со слезой затянул: «Темная ночь, только пули свистят по степи...» Я, кажется, подпевал.

– Паш, пепельницу дай, – оторвал меня от воспоминаний бас соседки.

Я вновь протянул руку и достал баночку из-под маслин, до половины забитую окурками. Не глядя вручил. Не люблю отрицательные эмоции. Особенно на поврежденную алкоголем голову.

Геру надо очки подарить, чтоб видел, кого снимает. Это даже не триллер и не ужастик – это затянутый фильм-катастрофа. Экологическая. Хотя моя рожа тоже, конечно, не эталон мужской красоты.

Я приподнялся. Боль пронзила лобовую косточку, словно разрывная пуля. Координация движений тоже нарушена – «Стандарт» зацепил жизненно-важные органы.

Да, похмелье только в кинокомедиях вызывает смех. А по жизни больно и тоскливо, как в гестапо...

Соседку мучают те же проблемы, но ей проще – она курит. Я, как бывший большой спортсмен, к табаку отношусь с презрением.

Так было соитие или нет?

А какая, по большому счету, разница? Даже если и было. Не отбирать же назад, ха-ха-ха... Хоть кто-то получил удовольствие. А тесты в вендиспансере по-любому сдавать придется, на слово ей верить нельзя.

Куда она, кстати, дела мои трусы? Спрашивать как-то неловко – все-таки дама. Логика подсказала, что их стянули вместе с джинсами. Так и есть. Вот они, мои полосатенькие в горошек...

Черное дамское бельишко откровенного свойства раскидано по полу, но меня оно абсолютно не возбуждает. Тут же валяются вчерашней свежести «Коммерсантъ» и потертый «Newsweek». Это уже серьезней, но тоже не возбуждает. Меня вообще ничто сейчас возбудить не может.

Я натягиваю трусы и поднимаюсь с ложа. С третьего раза попадаю ногой в штанину. Беру паузу и сажусь на стул. Дама тушит окурочек, прячет его в маслины и тоже встает с дивана. При этом совершенно не стесняясь постороннего мужчины, пусть даже временно нетрудоспособного. Н-да, ножки, как два мешка картошки. К ним бы свиные ушки – неплохой бы студень получился...

Дама одевается не спеша, украдкой наблюдая за моей реакцией.

Ага, сейчас повалю на диван и надругаюсь... Не дождетесь. Под угрозой ядерной боеголовки не надругаюсь.

Настроение пасмурное, как день за окном. И это не от похмелья и не от созерцания раннего целлюлита незнакомки. Оно последние три месяца все время пасмурное. С того счастливого дня, когда освободился.

Нет, на зоне тоже не веселуха, но долгожданная воля пока не радовала. Долгожданная, разумеется, для меня. Для кого-то четыре года за высоким забором с проволокой – как на шашлык съездить. Но я-то не урка по жизни, а просто заблудшая овечка. Заблудилась по скудоумию и попала в переплет. Вернулась в стадо, а там ее никто не ждет. Никому я в стаде уже не нужен, кроме Геры. Да и то потому, что на зоне в одном отряде с ним хоровод вокруг вышки водили.

И даже не поэтому. А на перспективу. Для больших и славных дел. А то, что Гера не успокоится, он не скрывает. Мне его планы не очень интересны, но послать однополчанина не могу. Все-таки на зоне поддержал как начинающего.

Да и после зоны. Привел к большому, но скромному человеку по кличке Тихоня, отрекомендовал: вот Паша, недавно откинулся, сидит без копейки, помощи.

«Отчего же не помочь? – сказал добрый авторитет Тихоня. – Держи, Паша, подъемные. Отдашь, как сможешь. Или, в крайнем случае, отработаешь...»

Паша сваял дурака, взял. Тратил денежки с размахом, на плотские удовольствия копейку не жалел. В итоге копейка вот-вот закончится, а отдавать ее не с чего.

Гера с Тихоней пока на должок не намекали, но все равно ведь отдавать придется. Или отрабатывать. Тем более что Гера активно ищет тему. Не мелочь какую-нибудь, а серьезную тему. Хочет стать миллионером. Безо всяких телешоу.

Освободившись, честно пытался заняться общественно-полезным трудом. Но в охранный бизнес меня не взяли – увидели в моей биографии грязное пятно. Можно подумать, сами белые и пушистые...

В коммерческие структуры тоже без блата не пролезть. Да и что я там буду делать с дипломом спортивного техникума? (Вообще-то, я мечтал стать кинорежиссером, но состоял на учете в милиции, поэтому никуда и не взяли.)

Пробовал по специальности – детским тренером. Мимо кассы. Даже слушать не хотят. Сидел? До свидания!

Да у нас полстраны сидело!..

Устроился было на заправку, но на третий день выгнали. И главное, из-за чего? Какая-то кукла блондинистая подкатила на спортивном «бумере» и велела залить полный бак. Нет проблем: полный так полный. Она сунула мне червонец, уселась в машину, а движок не заводится.

Что за чудеса? Машина нулевая, только из салона.

Стали разбираться.

Оказалось, движок дизельный, а кукла бензину закачала. Ей-то по барабану, что лить, хоть мочу ослиную. А она мне предьяву – почему не предупредил?! Да еще не в дружеской форме. С накатиком. А я не люблю, когда накачивают, особенно не по делу. Не зря в характеристике написано «не сдержан».

Ответил. Чтоб не питала иллюзий по поводу материальной и моральной компенсации.

На этом моя карьера заправщика закончилась.

Но, если откровенно, характеристика отчасти права. Действительно не сдержан. Но исключительно в стрессовых ситуациях. А так я – мирный атом. Хоть и в периоде полураспада. И без причины незнакомых людей по морде не бью. Ударить – а потом окажется, что это твой биологический отец.

А если даже бью, то ненависти не испытываю, а ощущаю лишь легкую, быстро проходящую неприязнь.

После бензоколонки я собирал пустые тележки на паркинге перед супермаркетом. Есть такая профессия. Творческая и даже с элементами рефлексии.

Но не прошел испытательного срока.

Не уступил тележкой дорогу «тойоте». И пристыдил хозяина, когда тот встал в боксерскую стойку.

Качественно так пристыдил, кулак до сих пор ноет.

Хорошо хоть без ментовки обошлось...

Герман, узнав о моих трудовых подвигах, искренне переживал:

– Ты чего, Паш?! Какая работа?! Ты еще на завод пойдешь в ночную смену! Ты же наш, безработный по жизни! А деньги будут! Много денег! Потерпи чуток!

Сказать, что я не их, не безработный, духа не хватило. Встал бы вопрос о долге. И я позорно промолчал.

Вот с тех пор и болтаюсь, как окурок по канализации. День прошел – и ладно...

Наверное, это неправильно. Наверное, нельзя раскисать. Надо, как учат мудрые, хотеть, стремиться, верить. Ставить задачи и выполнять, преодолевая трудности.

Я с этим согласен, но...

Не ставлю и не выполняю. И не верю.

Ну преодолею, а дальше что? Отдыхать и ничего не делать?

Так я и так ничего не делаю!

Незнакомка тем временем натянула дырявые колготки и стала похожа на вареную колбасу в прозрачной обертке.

Интересно, какие она себе задачи ставит? Какие жизненные цели преследует? До пенсии болтаться по чужим хатам, глушить некачественный алкоголь, трахаться с некачественными мужичками и бегать по вендиспансерам?

Вряд ли. Хотя это не твое собачье дело, Павел.

И нечего рваными колготками попрекать. У тебя и таких нет...

Шаркая шлепанцами, женщина отвалила на кухню. Я подобрал с пола бутылку из-под «Спрайта», приложил ко лбу.

Не помогло.

Но похмеляться, как советуют знатоки, опасаясь – от одного запаха водки тянет в пляс. Но пивка бы проглотил.

На часах полпервого. Страна давно у прилавков, за компьютером, на стройке, за рулем... А я вот разлагаюсь. Морально и материально.

Никто в моих услугах не нуждается. Никому я не нужен.

Да и по хрену!..

Дама вернулась с мокрой тряпкой и совком, чтобы убрать непереваренные Гериным организмом маслины. Как же ее звать... Уй, как больно головушке... Да какая разница? Пусть будет Анжелина. Джоли. Наверное, она все же неплохая женщина. Другая бы, пользуясь ситуацией, ценности бы из квартиры выгребла и умотала. А эта чужие рвотные массы убирает.

Гера пока из своей опочивальни не вылез. Судя по доносившимся оттуда звукам, он обнаружил, что в кровати не один, и теперь наверстывает упущенное, несмотря на утренний упадок сил.

Моя дама, слыша недвусмысленный скрип пружин, бросает на меня голодные обиженные взгляды. Дескать, бери пример, а не лежи, как Илья Муромец на печи. Устрой sex в большой комнате.

Похоже, мы с ней все-таки не согрешили.

Чтобы избежать неловкости, включаю телевизор. Идет сериал про ментов. Переключаю канал. Блин, и тут менты! Обложили, никуда не спрятаться... «Мент в загоне», «Мент в запое»...

Во, а здесь про зону. Бутафория. Для кого эти сказки снимают?

С четвертой попытки нарываюсь на судебный процесс. Такой же настоящий, как и сериальные сюжеты.

«Подсудимый, вам предоставляется последнее слово... Ваша честь, я жертва стечения обстоятельств, оказался на месте происшествия случайно, никого не убивал и не грабил...»

Щелкаю дальше. Во, тот же убийца. За стойкой банка, в переливчатом костюмчике. «Лучший способ сберечь ваши деньги – паевые фонды!»

А говорил, никого не грабил...

«Если стресс и работа ослабили ваши жизненные силы организма, пейте...»

При слове «пейте» срабатывает рвотный рефлекс, и я выключаю телевизионный приемник.

– Что, мутит? – сочувствует Анжелина. – Водочки надо. Или пивка. Хочешь? Там еще осталось. Если слить.

Тоже мне народный целитель... Малахов минус Малахов.

– Чайку бы. – Неимоверным усилием воли я сдержал защитную реакцию организма.

– Слушай, а ты правда сидел?

– Нет... Я лежал.

– А за что?

– Геноцид и массовые репрессии.

Я натянул футболку с надписью во всю грудь «ME BUSCA POLICIA!» Не знаю, на каком это языке и что означает. Футболку вместо чаевых подарил иностранец, которому я умело заправил тачку и накачал колесо. В один из трех счастливых дней, что провел на бензоколонке.

Женщина снова исчезла, а я уставился в почерневшую от времени картину «Медведи в лесу», висевшую над опустевшим ложем. Вот кому хорошо – косолапым. Ползают уже второе столетие по дереву, и ничего их не волнует. Ни долги, ни работа, ни похмелье, ни жизненные перспективы... В лес надо, в лес – на природу, к медведям!

Запищал мобильник в кобуре на ремне. Кобура у меня ковбойская, купил на вокзале в ларьке. Револьвера пока нет, я в ней мобильник храню.

Мобильник, к слову, Герман подарил. Сказал, что нашел в парке на скамейке. Причем уже без сим-карты, с обнуленной памятью и со сломанной дужкой для цепочки.

Я не стал отказываться: дареному мобильнику в память не смотрят. Нашел так нашел. Повезло.

Гера вообще везучий. Получил девять лет за вооруженный разбой, а вышел через три года за примерное поведение. Не то что я. Все четыре года отмотал, хотя вел себя не менее примерно... Ничего. Когда-нибудь и мне повезет.

Прилетела SMS-ка: исходящие вызовы заблокированы, пополните ваш баланс.

Не буду. Отключайте. Некому ковбою звонить, даже лошади.

Вновь появился везунчик Герман. Уже без злобы в сердце, но с усталостью в глазах.

– Здорово, – приветствует он, сканируя стеклотару в поисках спасительной влаги.

– Привет...

Я не протягиваю руки. Сил нет.

Мой приятель скапывает в стакан остатки со всех бутылок, добавляет туда несколько «бульков» из флакона с туалетной водой «Адидас», размешивает и с блаженством выпивает половину. Наверное, вычитал рецепт коктейля в «Коммерсанте».

– Будешь?

– Нет, благодарю.

Он допивает коктейль и молодеет на глазах.

– А Джоли где?

– Кто?! – переспрашиваю я.

– Ну, эта... Анжелика.

– Ее Джоли зовут?

– Нет. Анжеликой. Предки выпендрились. А Джоли – погремуха¹.

Надо же, угадал... С первой попытки. Надо записаться в программу «Битва экстрасенсов».

– На кухне... Чай делает.

– Ты как ее, оприходовал?... – подмигивает Гера.

– Подозреваю, что да. Но не уверен... Напомни, где у тебя ванна. Мне надо привести себя в порядок.

– Из комнаты сразу налево. Первая дверь в коридоре... В смысле: она там вообще одна.

Врубаю навигатор GPRS и следую указанным курсом. Со второй попытки нахожу.

¹ Погремуха (блатн.) – кличка.

Ванна сидячая, старинная. Трубы музыкальные, с потеками. Вода ароматизированная, с оттенками ржавчины. А мы лезем в ВТО...

Подставляю голову под струю и минуты три отмокаю. Потом смотрю в настенное зеркальце. Вижу человека, остро нуждающегося в помощи МЧС.

«Простите, не узнал вас в гриме. Кто вы, Юрий Никулин?..»

Нет, не Юрий.

Паша. Двадцати семи лет от роду. Крещеный. Образование средне-специальное. Не женат и даже не пытался. Судим. Морально неустойчив. Социальный статус – много ниже среднего класса. Не работает. Не болеет за «Зенит». Имеет спортивный разряд по боксу, но на ринге давно не выступает. Ни разу не был в ночном клубе и бутике. Не пользуется Интернетом, не играет в боулинг. Не знает, что такое Prada. Не ест суши и не смотрит MTV. Про него не снимут программу типа «Один день из жизни...» или «Главный герой».

Потому что не главный. И вообще не герой...

Снова затошнило.

«Господи, как мне х...плохо... Одна радость – носки надевать не надо».

Полотенца не нахожу. Обтираюсь плесневелой шторкой для ванны и возвращаюсь в гостиную. Там уже полным ходом идет чаепитие.

Герина подруга Галя, как и Анжелина, не блещет внешними данными, но Германа это не смущает. Он, попивая чаек, нежно обнимает ее за жировую складку в районе талии.

За столом продолжается активный спор: настоящие сиськи у Анны Семенович или силиконовые? Анжелина клянется, что поддельные. Мол, какая-то ее дальняя родственница лежала с Анютой в одной чебоксарской клинике. Эксперт Галина утверждает, что это грязные сплетни, и в качестве доказательств оглаживает собственный бюст пятого размера. И вообще: есть вещи, которые не купить за деньги. Человека надо любить таким, каким он есть.

Спор не имеет никакого отношения к моему повествованию, но верно характеризует атмосферу.

Присаживаюсь к столу, жадно припадаю к чаше.

– Плесни еще.

Анжелина берет заварной чайник. Глядя на него, Герман о чем-то задумывается.

– Погоди... У меня же нет чая... И кофе. Ты чего заварила?

– Как нет?... Полпачки целых. «Принцесса Ури».

Герман быстрым гепардом мчит на кухню и через две целых четыре десятых секунды возвращается, тряся в руке «Принцессу».

– Эта?!

– Ну да...

– Это не чай... Это совсем не чай...

В звенящей тишине мне слышатся звуки траурного марша.

– Это средство от лишая... На травах и кошачьей моче. Мать нахимичила... Сдохнем...

– У тебя лишай?! – хором уточняем мы.

– У кота!

Я пару секунд смотрю на застывший в руке Анжелины цветастый чайник и подставляю чашку.

– Наливай...

Глава 2

Я мог бы проехать до дома две остановки на автобусе, но не стал. Ведь ни одна трезвая сволочь места не уступит. Придется пешком мучиться.

На проспекте меня тормозит наряд вневедомственной охраны. Наверное, их внимание привлекли моя слегка усталая походка и не менее усталое лицо. Хотя какое их собачье дело? Я же не охраняемый объект штурмую и не выкрикиваю на «марше несогласных» непристойности про власти. Веду себя крайне прилично, на Бен-Ладена не похож. А они, видать, сомневаются.

Двое из «Жигулей». Сержанты. Старший и младший. В бронезилетах. У одного в лапах укороченный автомат для придания облику героизма. Для проформы интересуются наличием документов. Из документов у меня только жетон на метро. Они не верят и ощупывают карманы моей немодной курточки. Умело нащупывают пятисотенную купюру. Купюра перемещается под бронезилет старшего. Я, конечно, пытаюсь уточнить, на какие нужды, но напрасно – старший сержант обещает пятнадцать суток и физические увечья.

Затем, не попрощавшись и не пожелав удачи, они усаживаются в «Жигули» и смываются. Быстрее, чем на сигнал тревоги. Неужели бояться, что я брошусь в погоню?

Группа захвата денег.

Спасибо, хоть не отдубасили.

В уголовном кодексе это называется грабеж. Статья 161, часть первая. До четырех лет. Но для них – охрана общественного порядка. Служебный долг. Почет и престиж. За это про них кино снимают.

Уроды...

Не люблю ментов. В смысле: не уважаю. Мочить из-за угла, конечно, не собираюсь, но в морду кое-кому бы дал. Хотя бы этим... И не потому, что пятисотенная была последней. А так, по справедливости. Может, конечно, среди них есть порядочные люди, но мне почему-то не попадались.

Что тогда, пять лет назад, что сейчас...

Не хочу наговаривать на себя хорошего, но сам я тоже не без изъяна. Но изъян изъяду рознь. Вот так, как эти в бронезилетах, ни к кому не подходил и наличность не забирал. Хотя формально, согласно приговору – грабитель. Та же статья, только часть вторая. Открытое хищение чужого имущества группой лиц по предварительному сговору...

Вот в ней все и дело. В группе. Из двух человек. Один я, второй картавый Сережа. Не сказать, что друг. Так, в одной секции боксом занимались в позднем детстве. Но тренер поймал его на курении анаши и с позором отчислил.

Пять лет назад нелегкая свела нас на ночной дискотеке в Доме культуры. Я подрабатывал там вышибалой. Как раз техникум закончил. Дипломированный специалист в ожидании повестки из военкомата. А Сережа там танцевал (как выяснилось позже – не только).

«О, привет, привет...» Поцелуями обменялись, телефончиками.

На дискотеку он через день ползал, хобби такое. Как-то отозвал меня в сторонку.

– Паш, не поможешь? Мне один уродец триста баксов должен и уже третий месяц не отдает. Я уж прошу его, прошу, а он словно оглох. И самое обидное, деньги-то у него есть, я знаю. Совести нету...

– От меня-то что надо?

– Ничего особенного, – заверил Серега, – я завтра к нему домой хочу сходить. В глаза посмотреть. А ты рядом постой. Для создания позитивной ауры. Чтоб он от долга отказаться не посмел. За хлопоты – десять процентов.

– Ну, если просто постоять...

Отчего же не помочь. Да и десять процентов не помешают – отвальную сделать. Ладно, сходим...

События того дня отложились в памяти на века, словно наскальные рисунки.

«Просто постоять» рядом с Сережей не сложилось.

Должник оказался не один. С любимой девочкой. Поэтому потерял бдительность и открыл дверь. Оказалось, мы знакомы – он регулярно полировал танцпол в Доме культуры.

Сережа закатил ему с порога прямо в челюсть, без разогрева. Девочка, вместо того, чтобы запереться в сортире и не лезть в мужские дела, заорала и бросилась почему-то на меня, обнажив когти. Лицо расцарапала, пилку для ногтей из джинсов вытащила.

Я, само собой, не стоял как памятник жертвам аборта – провел «двоечку» по-быстрому. Девочке хватило.

Как потом оказалось, надолго...

Сережа тем временем напомнил хозяину про долг, макая его голову в унитаз. Хозяин, отдышавшись, показал жестом, что денег нет. Сережа не поверил. Вывернул шкафы, секретеры, бюро, валявшиеся носки. Сотню баксов мелкой наличкой отыскал.

«Маловато будет. Придется натурой взять и продать с молотка».

Хозяин не выглядел зажиточным человеком и не мог похвастаться плазменной панелью или ноутбуком. Поэтому в счет погашения долга пошли музыкальный центр, часы «Ракета», телефонный аппарат, трехтомник китайской поэзии в старинном переплете, золотая цепочка, туалетная вода, туалетное мыло – короче, всё, что представляло хоть какую-то материальную или культурную ценность.

Сложив конфискат в холщовый баул, мы удалились, наказав хозяину впредь отдавать долги вовремя и сполна. Сережа что-то прошептал ему насчет милиции. Тот молча покивал мокрой головой. В общем, судебные приставы в чистом виде.

Во дворе рассчитались согласно уговору. За работу я получил часть наличных долларов и китайскую поэзию в качестве сувенира. На память.

Тем же вечером, когда я, лежа на диване, плавно засыпал над вторым четверостишием, в дверь позвонили. Я, как человек, которому нечего терять, честно открыл. На пороге стоял незнакомый мне молодой господин в светлом плаще и по-доброму улыбался. Именно улыбка меня и обезоружила. Если б он был хмур, я бы встал в левостороннюю стойку.

– Павел?

– Ну.

– Добрый вечер. Моя фамилия Добролюбов. Александр Сергеевич. Извините за беспокойство, но я пришел, чтобы помочь вам. Криминальная милиция, с вашего позволения.

Он трепетно раскрыл красные корочки, прикрепленные стальной цепочкой к ремню, и еще раз улыбнулся. Я не вчитывался в содержание удостоверения, мне вполне хватило фото. К тому же от человека веяло таким теплом и уютом, которым может веять только от представителей силовых структур, поэтому я не сомневался, что корочки настоящие. А когда за его спиной образовались два широколиких сержанта с дубинками, последние сомнения отпали.

– Разрешите? – Однофамилец знаменитого критика-демократа мизинцем указал на комнату.

– Ну да, – я растерянно посторонился, пропуская делегацию криминальной милиции, – но мне не нужна помощь. Я не вызывал...

– Наша помощь нужна всем. Просто многие про это еще не знают, – вновь улыбнулся молодой человек, ощупывая внимательным взглядом каждый квадратный сантиметр жилой площади.

Взгляд остановился на зажатом в моей ладони томике.

– Поэзию любите?

– Ну, не то чтобы... Так, под настроение.

– Позвольте взглянуть?

Не прекращая улыбаться, он кивнул на книгу. И, не дожидаясь ответа, ловко выдернул ее и пролистнул пару страниц.

– «Как-то грустно: склонилось к закату солнце. Но и радость: возникли чистые дали». Мэн Хао-жань... Да, тонко подмечено. Насчет чистых далей... Олег, пригласи, пожалуйста, понятых. Тактично.

Один из сержантов скрылся за дверью. Добролюбов тщательно вытер ботинки о коврик, прошел в комнату и присел за стол. Я тоже не остался в прихожей.

– Я это... не понял...

– Павел, откуда у тебя эта замечательная книга? И эти две? – Он положил чистую ладошку на второй и третий том китайской антикварной мурлы. Интонация криминального милиционера была вроде бы и душевной, но с какими-то острыми краями. Порезаться можно. Из чего я понял, что в истории с долгом не все шоколадно.

– Мне дали почитать... Друг.

– А как зовут друга, если не секрет?

– Сергей... Погодите... Вы говорили про какую-то помощь. При чем здесь книги?

– Все мое время. Будет и помощь. Позволь еще один вопрос. Извини, если он неудобен. Где ты находился сегодня около тринадцати часов?

Не помню точно, что я ему тогда ответил. Но не посылал. Кажется, сказал, что гулял в парке.

– Ужасно, когда люди не хотят помочь себе сами, а рассчитывают на помощь других, – вздохнул Добролюбов. – Но ведь у других не всегда есть желание помогать.

Произошедшее позже было так же красиво, но туманно, как стихи Мэн Хао-жаня. Пришли соседи, тетя Люся со своей вредной доченькой, засидевшейся в девках и каждый вечер певшей караоке так, что все дворовые коты разбежались по чердакам.

Добролюбов нарисовал протокол изъятия трехтомника, соседки подписались, мне предложили проехать в участок, чтобы продолжить общение. Я не возражал, да мне и не дали бы... Для полной уверенности в моей благонадежности меня заковали в оковы.

И только в кабинете Добролюбова, когда мы остались с ним один на один, я дал волю чувствам: «А в чем, собственно?!» Александр Сергеевич еще раз остро улыбнулся и кивнул на трехтомник:

– Паша, ты знаешь, что это такое?

– Ну, стишки турецкие, то есть китайские.

– Нет. Это не стишки. Это вещественное доказательство в совершенном тобой преступлении.

Мне вдруг стало так же воздушно, словно я пропустил джеб от Леннокса Льюиса.

– Чего?.. Какого преступления?!

– Боюсь, что тяжкого, – все так же по-доброму пояснил Добролюбов из криминальной милиции. – Расскажи, пожалуйста, что ты делал сегодня в одной квартире на улице Белинского?

Я, как человек со средним специальным образованием, сразу догадался, что собеседник осведомлен о нашем культпоходе, поэтому лукавить не стал. Рассказал все, как было, опустив лишь эпизод с «двойкой». Все-таки женщину ударил, а не грушу... Неловко.

– Долг, говоришь? – скучно переспросил Добролюбов.

– Да. Триста баксов.

– Ты знаком с заявителем?

– Ну, не очень. Он на дискотеку к нам ходит.

Криминальный милиционер с полминуты молчал, постукивая авторучкой по Мэн Хао-жаню, словно омовец дубинкой по спине демократа.

– Видишь ли, Павел... – продолжил он дознание. – Ситуация не слишком жизнерадостная. Для тебя. Заявитель утверждает, что никакого долга не было, что вы с приятелем ворвались в квартиру, избили его и девушку и забрали личное имущество примерно на тысячу евро. То есть формально это грабеж. К тому же у девушки действительно сломан нос. Вот телефонограмма из больницы...

Александр Сергеевич покрутил перед моим покрасневшим от возмущения ликом какой-то бумажкой.

– А грабеж – это по-взрослому... Особенно с учетом личности твоего приятеля.

– И что у него за личность?

– Не очень светлая. С пятнышками. Судимость за вымогательство. Срок, правда, условный. Плюс, по нашим данным, на дискотеке он не только танцевал и кадрил девочек. Еще он приторговывал бодрящими таблетками и травкой. Неужели не знал? Ты же вышибала, все должен знать.

Я догадывался, что любовь к танцам для такого человека, как Сережа, немного странная вещь, но догадываться и знать – совсем не одно и то же.

– Не знал. Я же не экстрасекс... то есть – сенс.

– Я это к тому, что он, скорее всего, сядет. И суда будет дожидаться на набережной Невы, в замке из красного кирпича. А вот что делать с тобой? Ты ведь в нашем департаменте уже светился? На учете в детской комнате состоял. Кстати, тоже за грабеж. Было?

– Ну, было... Но это недоразумение. По глупости. Еще в школе.

– Ни секунды не сомневаюсь. И сегодня наверняка по глупости. Деньжат хотел по-легкому срубить. Так?

– Ну, если честно – да, – сознался я. – А кто ж не хочет...

– Соглашусь. И самое обидное, что заявитель тоже не белый зайчик. И долг на нем действительно висел. Как раз за таблеточки. Но он ведь про это не сказал. И – уверен – не скажет.

После Добролюбов задал несколько сочувственных вопросов о составе моей семьи, увлечениях и жизненных планах. Когда получил подробный ответ, еще раз вздохнул.

– Да-а... Досадно. Очень досадно... Ладно, вижу, ты парень нормальный и влип по недоразумению. Поэтому, как и обещал, помогу.

Взгляд у оперуполномоченного был такой располагающий, что хотелось плакать от умиления.

– Значит, слушай и запоминай. Сейчас приедет следователь, будет записывать твои показания. При таком раскладе, как сейчас, ты однозначно едешь валить леса нашей бескрайней Родины... Но есть другой вариант. Например, ты зашел к потерпевшему случайно. Забрать свою книгу.

– Какую книгу? – не понял я.

– Вот эту. Китайскую поэзию.

– Но... Это же его книга.

– Ну, какой ты, право, непонятливый. Если книга его – ты садишься. Поэтому книга – твоя. Вы познакомились на дискотеке и выяснили, что оба тащитесь от китайской поэзии. Может такое быть? В нашей стране всё может. Ты сказал, что владеешь старинным бабушкиным трехтомником, и предложил заявителю его почитать. Тот, как фанат Китая, естественно, согласился. Ты дал книгу на месяц. Но он затянул с возвратом. Пришлось идти к нему домой. Пришел, увидел открытую дверь и застал безобразную сцену: Сережа, разрывающий пасть заявителю и его сожительнице. Ты благоразумно вмешиваться в чужие разборки не стал, забрал книги и ушел. Заявитель же тебя оговорил.

– Зачем ему меня оговаривать?

– Да мало ли... На помощь не пришел. Или вывел его пьяного с дискотеки, вот он и обиделся. Книжку опять-таки хотел зажать. А теперь решил отыграться... При таком положении дел у тебя есть отличный шанс выйти мокрым из огня.

– А Сергей? Он же будет про долг говорить.

– Пусть он говорит, что угодно, это его трудности. Ты о нем поменьше думай – он тебя в этот блудняк втянул, а не наоборот. Пусть сам и отдувается. Ну, проведут между вами очную ставку. И что? Твердо стой на своем – знать ничего не знаю, зашел случайно. Я поговорю с твоей матерью, она подтвердит, что книги ваши.

– А что, сам я не смогу поговорить?

– Понимаешь ли... На трое суток тебя все равно задержат, так полагается. Но обвинение не предъявят. Никаких доказательств. Ну, сам посуди – ты что, полный идиот приходишь к знакомому человеку без маски и грабить его? Проще сразу на зону ехать! А ты его не грабил, а просто пришел за книгой...

Я не знаю, почему тогда повелся. Может, на фамилию опера клюнул – Добролюбов. Может, на его манеры. Другой бы с порога бить стал, а этот за беспокойство извинялся, словно я не подозреваемый, а Белоснежка из сказки, а он не опер, а, прям, адвокат бесплатный.

А может, потому что был на тот момент полным лохом.

А как им не быть? Я что, в юридических тонкостях разбираюсь? Что, по милициям с пяти лет? Нет. Третий привод за всю сознательную жизнь. Насчет прошлых жизней не уверен.

– А матери можно позвонить? Она волноваться будет.

– Я сам позвоню. Успокою. Скажу, что послезавтра выйдешь. Если не наделаешь глупостей. Ну как, устраивает такой вариант?

Хотелось броситься детективу на шею и по-братски расцеловать.

– Тогда посиди на лавочке в коридоре. Следователь тебя вызовет.

Это меня тоже успокоило. Не в камеру вонючую сажают, а в коридор. Симпатизируют и доверяют.

Он вывел меня из кабинета, оставил на лавочке в темном закутке.

Появилось время успокоиться и всё взвесить. Хотя взвешивать особо нечего. Да и весов нет. Вроде все складывается. Непонятен только интерес Добролюбова – ладно бы денег попросил. Но не просил и даже не намекал. Оставалось поверить, что он просто хороший, справедливый человек, решивший помочь честному, но оступившемуся вышибале. Наверное, такие чудачки еще существуют на постсоветском пространстве.

Следователь прибыл через час. Им оказалась женщина преклонного возраста в майорском кителе, курившая практически без перерыва папиросы «Беломорканал», причем не сминая гильзу. Она достала из портфеля антикварную печатную машинку и принялась меня допрашивать, что-то скороговоркой пробубнив о моих правах. Я, как и советовал Александр Сергеевич Добролюбов, выдвинул версию со случайным приходом.

Следачка нисколько не удивилась, но задала несколько уточняющих вопросов. Типа, действительно ли я люблю китайскую лирику и не могу ли прочитать что-нибудь наизусть?

– Лирику люблю, – ответил я, – но читать не буду, у нас здесь не Дом культуры.

– Еще один вопрос: с девушкой, бывшей в гостях у потерпевшего, ты знаком?

– Нет, первый раз видел.

– То есть, ей нет смысла тебя оговаривать?

– Откуда я знаю? Смысла, может, и нет, но оговорила. Знаете, в инструкциях по пользованию туалетной бумаги тоже никакого смысла, но их же печатают.

– Хочу напомнить, что чистосердечное признание и помощь следствию – не пустые слова.

– Спасибо, конечно, но я рассказал правду. Признаваться мне не в чем.

Она набрала мой ответ на машинке, прикурила новую папироску и дала прочитать протокол.

Ну да, напечатала, как и было. То есть, не как было, а как надо: никого не грабил, чисто случайно зашел забрать книгу.

– Вроде всё верно.

– Распишись где галочки.

Расписался. Потом было опознание. Мне предложили занять любое место на диване, где уже сидели два статиста, годившихся мне в отцы, а то и в деды. К тому же оба то ли китайцы, то ли корейцы. Местные паспортистки изображали понятых.

Сержант ввел девушку с пластырем на носу. Она расписалась в протоколе, что не будет врать и на вопрос «Нет ли среди сидящих на диване знакомых ей лиц?» уверенно ткнула в меня забинтованным пальцем.

– Вот этот... Ты, сволочь, за нос ответишь! За всю свою поганую жизнь не рассчитаешься!

Она снова захотела расцарапать мне лицо, но я опять успел провести двойку по корпусу. Не сдержался.

Следователь на инцидент никак не реагировала, продолжая печатать показания и курить. Она таких сцен насмотрелась, что ее уже трудно чем-то удивить.

Когда сержант унес потерпевшую засранку, все, кроме меня, расписались в протоколе и отвалили. А меня препроводили в каземат, находившийся при дежурной части, а спустя три часа перевезли в СИЗО.

Всё пока шло, как и предсказывал Добролюбов.

На следующий день меня привели в специальную комнату, где уже находились следователь, Добролюбов и картавый Сережа.

Нам с Сережей устроили очную ставку. Я упорно гнул свою линию под едва заметные одобряющие кивки Александра Сергеевича.

Сережа мою версию не одобрил, ведь выходило, что это он сломал нос девушке и забрал остальное барахло. Но и про долг он не рассказывал. Представил всё в розовом свете – дескать, зашел навестить друга, а там уже я зажигал. Нормально, да? Гад какой!.. Мало того что про волшебные таблетки ни слова не сказал, так теперь всё на меня решил свалить.

В общем, мы чуть не подрались. Добролюбов успел разнять и развести по разным камерам, шепнув мне «молодец».

А на следующий день мне благополучно предъявили обвинение в грабеже, совершенном группой лиц по предварительному сговору, и увезли в старинный особняк на Арсенальной набережной. Где предоставили тридцать квадратных сантиметров жилой площади и жесткое диетическое питание.

Не буду утомлять описанием своего времяпрепровождения в следственном изоляторе. Отмечу лишь один плюс: меня не забрали в армию. Все остальное – минус. Очень большой минус.

Один из собратьев по несчастью, более искушенный в тонкостях юриспруденции, объяснил мне, Паше-дурачку, какой финт ушами показал оперуполномоченный Добролюбов.

Оказывается, если бы мы с Сережей настаивали на своих первоначальных показаниях, то есть долговом варианте, нам бы повесили всего лишь самоуправство. Тьфу, а не статья, вроде насморка. И, скорей всего, оставили бы до суда на подписке. И по суду я отделался бы условным сроком, как лицо в целом положительное и ранее не привлекавшееся.

А теперь – всё, грабеж.

И ладно бы мы честно раскаялись, вернули бы отнятое, извинились публично в прессе. А мы про книжки невозвращенные бредовые версии двигаем – хотим избежать справедливого наказания. Поэтому никакой подписки. Тюрьма и только тюрьма...

Развел нас Добролюбов, аки детишек неразумных. Вот почему он с первой минуты пушистым прикидывался. Чтобы доверились. А если дубинкой по морде, кто ж доверится?

– А ему-то какой резон? – уточнил я.

– Как какой? Одно дело – самоуправство, дешевое преступление, к тому же очевидное. Другое дело – тяжкий грабеж. Показатель. Есть чем на совещании козырнуть, если поднимут. Есть чем гордиться. А следачке по барабану, что расследовать, – грабеж так грабеж.

Мать на свидании сказала, что насчет китайской книги с ней никто не разговаривал. Я тогда сильно расстроился. Вежливый Добролюбов по ночам снился. Висел вместо груши, а я ему слева, слева...

На суде я попытался изменить показания, но еще больше запутался. Адвоката мне дали казенного – на коммерческого у матери денег не было. Он особо и не защищал – оно ему надо?

Потерпевший, конечно, кричал, что мы ворвались, избили его, несчастного, и отобрали последнюю копейку, нажитую исключительно честным трудом. А, уходя, пригрозили, что, если он заявит в милицию, его ждет медленная и мучительная смерть. Но он набрался гражданского мужества и заявил.

В итоге – четыре года строгого-престрого режима. Козлу Сереже почему-то дали три общего. По минимуму. Помогли положительные характеристики с места работы. (Прекрасный специалист, большой опыт торговли экстази и коксом – ни одного нарекания от клиентов.)

А мне с дискотеки никаких характеристик не дали. В техникуме же я учился на тройки и нередко прогуливал лекции.

Распределили меня не очень далеко. Под Псков. Зона, конечно, хорошая жизненная школа, но лучше в ней учиться на заочном отделении...

Если б не Гера, было бы мне совсем скучно и печально. А он поддержал, в обиду не дал.

Под амнистию какую-нибудь я не попал по причине тяжести совершенного преступления. (Еще раз вспомнил злым словом Добролюбова.) На условно-досрочное освобождение тоже не надеялся – я не Ходорковский. В общем, исправлялся от звонка до звонка. Раз в год приезжала мать, привозила передачи. Она работает диспетчером в таксопарке, особо не пошikuешь, но, как могла, помогала. Невесту, если помните, я нажить не успел. Были еще бабушка с дедушкой, но они мирно жили за рубежом, в Харьковской области.

Откинувшись, то есть освободившись, я первым делом навестил отделение, где боролся с преступностью Добролюбов. Хотел просто поглядеть в его светлые очи и сказать: «Hello, boy!» Но моего злого гения перевели куда-то в управу.

Еще бы. С такими-то талантами...

Извините, если утомил вас своей live story. Но надо же кому-то душу излить. Не Анжелине же с Галькой... А единственной и неповторимой пока нет. Ибо никому не нужны подобные типы. Чем он может заинтересовать, кроме чистотой души и доброго сердца?

В каком-то американском фильме герой говорит, что мужчину оценивают по четырем вещам: дом, машина, жена и ботинки. Именно в такой последовательности – жена между машиной и ботинками. Но меня не очень волнует последовательность. Ничего из перечисленного все равно нет. В том числе и нормальных ботинок. Уперли на одном из «party», теперь хожу в старых. Дворовые друзья за четыре года переженились и теперь носы воротят. Если встретят на улице, делают вид, будто не заметили. Конечно – я же теперь прокаженный. С дефектом в биографии. Лучше держаться от меня подальше. А то еще ограблю или денег займы попрошу.

В нашем дворе играют дети. Судя по репликам, в распродажу.

– Так не честно! Мы договорились максимум на пять процентов скидки, а ты десять сделал!.. Я маме расскажу!

– Ничего я не делал!.. Просто у меня демпинговые цены! И оптовый покупатель!

– Лох позорный!

– Сама дура!

Мы в детстве играли в войну. Иногда в карты на раздевание...

У подъезда на лавочке тусуется молодежь. Сидят на спинке, поставив ноги на сидение, пьют пиво и разговаривают матом. Мне нет до них никакого дела, а им до меня.

Прохладный, освежающий парадняк. Родной почтовый ящик. Нет ли денежных переводов или благотворительной акции?

Есть! Повестка в военкомат. Вот кто у меня единственный друг! Не отвернулся в трудный час, не забыл – письма шлет. Я ведь по-прежнему военнообязанный.

Раньше вроде судимых не призывали – зачем армию разлагать? А нынче она и так разложена, а воевать некому. Мне двадцать семь стукнет в ноябре, а сейчас только май. Еще запросто успею выполнить священный долг в каком-нибудь стройбате.

Во вам, а не долг!

Рву и выкидываю повестку в пропасть, то есть – в подвал.

Ничего, до ноября продержусь.

Родной лифт. Родная надпись. «Зайка, я подарю тебе новую крышечку от фотоаппарата „Зенит“». Ответ: «Она не нужна мне на XXXL».

Вот это, я понимаю, любовь!..

Родной пятый этаж, родная дверь.

Родная прихожая, родная комната.

На столе записка от матери: «Почини наконец кран, бездельник!»

Родной диван. Падаю и тупо плююсь на выгоревшую фотографию за стеклом в серванте.

Ученик средней школы Паша Угрюмов. Пятый «а» класс.

Если какой-нибудь писатель решит сбавить книгу про мою жизнь, он сдохнет с голоду, потому что не продаст ни одного экземпляра... А действительно, силиконовые сиськи у Семенович или нет?

Глава 3

Мой дом расположен в спальном районе, но не на окраине. Просто здесь нет ни тяжелых, ни легких промышленных предприятий. И это не многоэтажные безликие новостройки, характерные для подобных районов. В данном уютном уголке города-героя Санкт-Петербурга сочетается архитектура послевоенных лет (пленные немцы строили) с современными панелями (свободные таджики строили). Есть зеленые насаждения, небольшой пруд с утками и кустом ракиты, но есть и коммерческие парковки. Словом, полная эклектика.

Некоторые здания построены еще до войны. Соответственно, и публика в основном коренная, с традициями и мировоззрением. Многие знают друг друга не только в лицо, но и по маркам автомобилей. Попадаются и приезжие. Лично я родился в этом месте, вырос, женился, меня здесь каждый камень помнит, не говоря уже о значных заведениях.

К чему я это все нудно и неинтересно рассказываю? Чтобы отвлечь вас от размышлений на вечную тему – где взять денег на жизнь? Вас ведь наверняка мучает сия проблема. А уж меня как мучает... В сейфе старинного бюро последняя сотня мелочью. Потом придется продавать и бюро, и сейф. Рассчитывать на матушкину диспетчерскую десятку не позволяют моральные принципы. К тому же положение усугубляется тем, что я сижу в долговой яме и залезать в другую нет никакого смысла. Все вероятные кредиторы знают о моем финансовом положении и скажут «нет», прежде чем я успею открыть рот.

Вот с такими мрачными мыслями я выползаю из темного подъезда и топаю в направлении железнодорожной станции. Но не чтобы уехать в волшебную страну, где нет богатых и бедных, судимых и несудимых. Просто возле станции есть небольшой рынок, где в случае острой нужды можно обменять физический труд на наличные деньги или натуральный продукт. Несколько раз я уже использовал этот резерв Ставки.

На мне по-прежнему залатанная курточка цвета мокрого асфальта, футболка «ME BUSCA POLICIA!», джинсы и суточная небритость. Боль терзает мозг, а отсутствие углеводов – желудок.

Прохожу мимо Дома культуры, где начинал свой трудовой путь.

Дискотеки уже нет, сейчас здесь ночной клуб, принадлежащий какому-то бывшему организованному преступнику среднего уровня.

Публики крайне мало, вышибала на рамке зевает. По пятницам и субботам случается наплыв гостей, но небольшой. Все-таки не центр, а ценовая политика хозяев неразумна – бутерброды с сыром по две сотни. Человек состоятельный найдет местечко и получше, для местной же урлы – дороговато.

Лучше бы библиотеку открыли. Детскую.

В переулке свежая рекламная растяжка «Дадим денег! Почти без процентов! Тел...» Очень актуально, но смущают слова «почти» и «дадим».

При напоминании о деньгах настроение падает так, что хочется разбить чей-нибудь «лексус». Даже голыми руками.

Шучу. Хочется разбить клумбу, подмести дворик и надуть воздушный шарик, блин!

Нечаянно задеваю плечом идущую навстречу женщину. Она кричит что-то ругательное, но мне по фиг. Мне вообще всё по фиг. Даже если вдруг узнаю, что смертельно болен какой-нибудь чесоткой. По фиг. Если не сказать жестче.

Перед входом на рыночек притулился газетный киоск. Бабуля, поставив авоськи на землю, бурно жалуется продавцу на городские и кремлевские власти. «Пенсию не проиндексировали, льготы зажали...» и все такое.

Миновав киоск, притормаживаю. Что-то резануло глаз.

Оборачиваюсь.

Киоск закрыт, и внутри никого нет. Но бабулю это не останавливает. Говорит и говорит. Наверное, она уже в волшебной стране.

Железнодорожная станция – это, конечно, громко сказано. Обычная платформа для электричек с прилегающей площадью, на которой и раскинулись торговые ряды и небольшой цветочный павильон.

Чуть на отшибе – лоток для сбыта краденого. Рекламы, конечно, нет, но все про него знают. Даже местный участковый, получающий свой законный процент от реализации. Здесь по дешевке можно прикупить паленый мобильник, золотишко, часы и прочие товары не первой жизненной необходимости, но весьма украшающие быт.

Торгует вещичками парень из Абхазии без регистрации. Потому что считает, что Абхазия – это часть России, и регистрация ему не нужна. Товар поставляют его земляки.

Я нахожу Керима – тощего курчавого бригадира азербайджанских купцов, торгующих фруктами-овощами. С Керимом у меня полное понимание. Два месяца назад, возвращаясь поздним вечером с праздника пива, я вписался в разборку между ним и тремя миловидными переростками в черной коже, стриженными под Бритни Спирс в период депрессии.

Вписался не потому, что такой благородный и справедливый, а потому что а) сам был поддат, б) находился примерно в том же настроении, что и Бритни, и в) имел непреодолимое желание выплеснуть на кого-нибудь негатив.

А тут и повод подходящий – трое лупят одного, предметами, похожими на биты.

Вот и выплеснул.

Причем довольно успешно: кровищи было – хоть упейся.

Кериму, естественно, я объяснил свой поступок иначе. Типа, высокие моральные принципы. Типа, не мог пройти мимо проявления ксенофобии.

Тот сказал «Ай, молодец!» и подарил мне пять кило картошки. И даже предложил обращаться в любое время, если возникнут проблемы.

Я не злоупотреблял и денег просто так не просил. Только в оплату какого-нибудь труда. В основном, погрузочно-разгрузочного.

Сегодня Керим, как и я, был не в добром настроении, но, думаю, он не откажет в заработке.

Мой кавказский собрат курил возле своего павильончика, отмахиваясь от насекомых газетой. После взаимных приветствий он пожаловался на беспредел властей, которые требуют от продавцов российского гражданства. Керим себе его уже купил, но не все соплеменники могут. А местный люмпен-пролетариат ему и даром не нужен.

– Они ж пьют, как лошади! Один неделю продержался, второй вообще два дня... Нет, Паш, ты мне объясни. Мы же не убиваем, не грабим никого! По деревням катаемся, картошку у народа скупаем, продаем. Люди довольны! А сосед мой по площадке только водку глушит да орет – черные все захватили!.. А кто тебе мешает?! Давай, бери машину, катайся по деревням! Продавай, а не на диване лежи. Я не прав?

«Прав. Если забыть, что ты скупаешь картошку по демпинговым ценам. Да и насчет поездок по деревням сильно сомневаюсь...»

– Прав, Керим, прав...

– Если кто из моих с выхлопом придет, всё – тут же домой! Это же бизнес!

– Я как раз насчет бизнеса. Помощь не нужна?

– Что, с деньгами проблемы?

– Не скажу, что острая, но...

Керим окидывает орлиным взором свои владения, подыскивая место для приложения моих физических усилий. Но ничего подходящего не находит.

– Завтра приходи к восьми. Машина с картошкой придет, поможешь разгрузить. А деньги держи... Сколько надо?

Он достает из поясной сумочки лопатник, нафаршированный купюрами тысячного достоинства.

– Не знаю, – вяло отвечаю я, – чтоб хватило...

– Для чего?

– Для счастья.

– Смотря какое счастье... Так сколько?

– Штуки хватит.

Керим вручает мне купюру указанного достоинства.

– Слушай, видишь, домик достраивают? – Он показывает на деревянный сарайчик с брезентовой крышей, расположенный сразу за торговой зоной. – Через пару недель я там трактир открываю. Гриль, шаверма, шашлык-машлык, пиво-табак... Мне администратор нужен. Не хочешь?

– Я никогда не занимался общественным питанием.

– Питанием другие займутся. А ты за порядком следить будешь. Ну там, пьяных успокаивать, и вообще...

– Вышибалой, что ли?

– Почему вышибалой?! Не только... Всякие вопросы. Деньгами не обижу.

– Спасибо, Керим. Я подумаю.

Я жму азербайджанцу руку и валю восвояси, купив по пути банку «Охоты крепкой». Головная боль чуть отпускает, но поваляться на диване часок-другой не помешает. Надо набраться сил для завтрашней погрузки.

Возле Дома культуры оживает мой мобильник. Надо же, входящие еще не обрубил... Хороший у меня оператор, но названия не скажу: денег за пи-ар мне пока не платят.

– Пашунь, ты где? – На связи дружбан Гера.

– В библиотеке, где ж еще? Работаю над диссертацией.

– Давай подгребай в «Эрмитаж». Тут такие экспонаты... Одна рыженькая, вторая – с гайкой в брюхе. Картинка! Церетели отдыхает!

Во, дает! Я еле костями шевелю, а он снова на ринге. Мне еще над собой работать и работать...

– У меня только штука.

– Ничего, уложимся.

Если наш разговор подслушивали спецы из ФСБ, они наверняка решили, что мы какие-нибудь искусствоведы.

Тащиться в «Эрмитаж» мне не очень хочется. Насчет «картинок» я сильно сомневаюсь. Невзыскательный Герин вкус мне, увы, знаком. Да и откуда взяться «картинкам» в «Эрмитаже»? Это ж не Лувр и не музей мадам Тюссо.

Я не хочу идти, но иду.

Здравствуй, друг, – прощай, трезвость!

Не знаю, из-за чего возник локальный конфликт. Ибо как раз в этот момент выходил отправлять естественные потребности перегруженного пивом организма. А когда вернулся в тронный зал «Эрмитажа», увидел картину маслом «Избиение младенца».

Младенцем был Герман.

Противоположную сторону представляли двое крепких завсегдатаев с мужественными, но свирепыми лицами спартанцев.

Тоже не средний класс.

Герман уже сучил ногами по бетонному полу, прикрывая голову окровавленными руками, а спартанцы старательно пытались изменить его внешность с помощью тяжелых ботинок.

Девочки-картинки, ради которых мы и притащились в музей, а также остальная публика в процесс не вмешивались, опасаясь ненароком попасть под пресс. (Девочки, кстати, как я и предполагал, оказались не очень.) Лишь бармен за стойкой кричал кому-то в подсобку, чтобы вызвали милицию. А официантка Нинка собирала с пола осколки разбитой пивной кружки. Не исключено, разбитой о голову Геры.

Согласитесь, это не по правилам олимпийской хартии, когда двое на одного и когда этот один уже лежит на ринге.

И, конечно, я не стал дожидаться окончания поединка и подсчета судейских баллов. Россия, вперед! Гоу-гоу-гоу!

Разведку не проводил и не выяснял, в чем суть конфликта. Как говорил Наполеон: «Главное – связаться в драку».

После моего бокового в череп первый спартаец улегся рядом с Герой. Надо сказать, что в лагере труда и отдыха под Псковом я не только изучал английский, римское право и светские манеры, но и продолжал прилежно околачивать грушу, дабы не потерять спортивную форму. Ибо хорошие манеры не всегда выручают джентльмена.

Второй боец, догадавшись, что перед ним серьезный соперник, решил воспользоваться холодным оружием – пивной кружкой.

Но безуспешно.

Я нырнул ему под руку, и кружка просвистела мимо.

Зато прошел мой левый по корпусу.

Боец, правда, устоял на ногах, но согнулся в пояс и что-то промышчал по-спартански.

Первый тем временем уже смог подняться и снова пошел в атаку. На сей раз я зарядил ему прямым в нос, не став беспокоить челюсть.

Под моим чугунным кулаком нос хрустнул, как орешек в щипцах.

Всё, соперник обезврежен на ближайшие тридцать минут.

О, зато второй держится... Собирается войти в клинч.

Ну, иди сюда... Я тебя не больно убью. Щелк – и ты уже на хирургическом столе...

Щелкнуть не сложилось. Видимо, был еще и третий спартаец. Или просто сочувствующий. Я не видел его, но почувствовал присутствие, когда две потных руки-клешни обхватили меня сзади и оторвали от земли. Достаточно высоко.

Дальнейшее я помню смутно.

Долгий полет над гнездом кукуш... тьфу, столиками.

Жесткое приземление.

Помню, как успел вернуться на ринг и достать левой человека с кружкой. Попал куда-то в район правого глаза.

Помню женский визг и суровый мужской мат. Много мата...

И хрипатога Криса Ри со своей запиленной до дыр «Road to Hell» (хорошо хоть не «Blue Caf?»).

А потом понесли рысаки – не остановишь...

Я молотил всех, кто подворачивался под руку, защищая честь, достоинство и самую жизнь. Подвернись инвалид в коляске – не пощадил бы. Девочкам-картинкам, кажется, тоже досталось. И бармену с официанткой Ниной.

Зрительный зал ревел и топал от восторга.

«Паша! Убей-их-всех!!! Ты можешь!»

Еще немного, и я стал бы обладателем чемпионского пояса по версии «Эрмитажа» и прилегающих кабаков. «На ринге Па-а-а-а-а-а-вел Угрюмофф! Раша!» (Иллюстрацию поединка можно посмотреть по адресу: www.hermitagemuseum.org/html_Ru/03/hm3_3_1_10b.html.²)

² Ссылка реальна, не полнитесь, наберите.

И только мощная струя слезоточивого газа с ароматом от «Hugo Boss» смогла прервать это великолепное шоу.

Газы пустили те, кому и положено их пускать.

Люди в сером. Менты.

Но не из сериала, а настоящие.

Примчались на зов.

Кажется, те же самые, что утром национализировали мои пять сотен.

Или похожие. Все они на одну маску...

Потом были дубинки, наручники, тесный люкс ментовского «козлика».

Вот дежурная часть знакомого отдела.

А вот не менее знакомая комната отдыха для деловых людей. Рассматривать обстановку невозможно: остатки газа мешают обзору. Но, думаю, как и всегда, здесь найдутся горячий кофе с круассанами, свежая пресса и плазменный телевизор.

Ощупываю лицо. Крови вроде нет. Правда, сильно болит левый бок.

Не открывая глаз, нахожу нары, падаю и понимаю, что, кажется, серьезно влип. Как чувствовал: не фиг в «Эрмитаж» тащиться.

Эх, не судьба мне в Красной Армии послужить...

Здравствуй, неволя!

Представляю заголовки завтрашних таблоидов.

Через три часа, когда солнце клонилось к закату, а в далеком Петропавловске-Камчатском уже забрезжил рассвет, меня пригласили для дачи показаний. Перед этим уточнили, нуждаюсь ли в помощи переводчика. Иными словами – протрезвел ли.

В ответ я мужественно усмехнулся.

Не представляете, как порой неприятно вспоминать молодость. Едва я переступил порог кабинета, время отмотало пять лет назад. Те же стены, та же икона святого Феликса, тот же стол с треснувшим стеклом, тот же сейф, та же груда костей и черепов в углу...

Шучу! Сейф другой!

И человек другой. Не Добролюбов. Но наверняка из той же ударной плеяды мастеров.

Сейчас помощь начнет предлагать.

– Ну что, успокоился? – Тон не сказать, что дружелюбный, но и не оскорбительный.

Я молча кивнул головой. Не стал объяснять, что, в принципе, и не возбуждался.

– Что ж, тогда познакомимся. Моя фамилия Булгаков. Александр Михайлович. Оперуполномоченный криминальной милиции.

Руку не протянул.

Булгаков, надо же... А начальник у них не Достоевский, случайно?

– А ты у нас кто?

– Наручники можно снять? Россия подписала европейскую конвенцию о недопустимости допросов в наручниках. Ну и руки затекли...

– Драться не будешь?

– Не буду... Отвечаю. Если вы не будете.

Булгаков встал из-за стола и расстегнул оковы. Чуть полегчало. В мозг пошла кровь.

– Так кто ты у нас?

Я представился. Согласно уставу, без выпендрежу. Фамилия, имя, отчество, год и место рождения, прописка, сословие, серия и номер паспорта, ИНН, судимость, место работы (вернее, безработицы), семейное положение, вероисповедание и партийная непринадлежность.

– Судимый? А почему я тебя не знаю?

«Если бы я знал всех ментов в городе, то угодил бы в Книгу рекордов Гиннеса. Или в психушку».

– Это вы меня спрашиваете?

– Ну да, верно, – смутился Булгаков, – это я должен спросить себя... Короче, уважаемый Павел Андреевич, в принципе, я тобой заниматься не должен: преступление очевидное, раскрывать тут нечего. Это работенка участкового, но он после рейда спит.

– Преступление? – светским тоном уточнил я.

– Конечно. И не одно. Во-первых, публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации. До двадцати лет.

– Да ну?

– Шутка. До трех. Тоже шутка... Хулиганство. Грубое нарушение общественного порядка, сопровождающееся применением насилия к гражданам. До двух лет. Во-вторых, причинение вреда здоровью средней тяжести. Имеется в виду перелом носа. Не помню точно, но не меньше трешника. Вот такое преступление. Теперь хочу послушать твою версию.

Я, как умел, рассказал. Наверное, у Михаила Задорнова получилось бы смешнее, но, как говорится, чем богаты... Культурно отдыхали с девчонками, обсуждали последнюю книгу Акунина, выпили всего по пинте эля. Я вышел по нужде, а когда вернулся, то увидел непорядок и благородно вступился за друга Германа.

– Герман? Случайно, не Суслятин?

– Ну Суслятин... Какая разница, если его ногами пинали?

– Ну, в общем, никакой. Но лично для тебя было бы намного лучше, если бы он был почетный гражданин города. Или, к примеру, заслуженный педагог России... Усекаешь разницу?

– Нет.

– Один из потерпевших, между прочим, инвалид второй группы.

Ха-ха-ха! Плоха та комедия, где не бьют инвалида, не швыряются тортами и не уничтожают народную реликвию!

– По нему не скажешь. А спрашивать как-то неудобно.

– То есть ты выполнял свой гражданский долг, а не злостно хулиганил?

– Ну да. А что же мне, смайлики им посылать? Вы Герку тоже забрали?

– Я про Суслятин, вообще-то, от тебя услышал.

– Так позвоните ему! Пусть подтвердит.

– Позвоним... Только вряд ли он что-то подтвердит. Ведь махач он затеял. Мужики его не трогали – стояли, пиво пили. К тому ж от них есть заявление и справки из травмпункта, а от Суслятин – ничего.

Булгаков кивнул на пачку бумаг.

– Здесь объяснения свидетелей. Целых три штуки. То есть общий счет – пять два в их пользу. Победа по очкам. А с учетом твоей неприглядной биографии – практически нокаут. Сценарий ты знаешь: следователь – ИВС – тюрьма – суд – строгий режим... Ничего не поделаешь: у благородства и хулиганства есть общая составляющая: то и другое делается от чистого сердца и, к сожалению, без мозгов.

Запахло баландой и вертухайскими сапогами. Блин, реально запахло... Мать, наверное, не перенесет... Кран-то я так и не починил.

– Да погодите... Это же был обычный махач! Ну, не поделили что-то, подрались – завтра помиримся. Какие проблемы? Чего сразу тюрьма? А почему не расстрел?

– На расстрел введен мораторий, – серьезно ответил Булгаков, – а чтобы помириться, надо отсюда сначала выйти. А кто ж тебя выпустит?..

Выдержав паузу, он веско обронил:

– ...За просто так.

Намек понятен. Ну, хоть про помощь не плетет, как его предшественник. Что ж, поторгуюсь. Скорей всего, речь пойдет о долларовом эквиваленте.

– Значит, есть варианты?

– Варианты есть всегда. – Оперуполномоченный закурил тоненькую дамскую сигарету.

Наверняка изъятую у какой-то бандитки.

– Сколько?

– Ты имеешь в виду денежные знаки?

– Их самые.

– Я похож на оборотня?

Вообще-то, судя по шмоткам, не очень. Но они же хитрые – маскируются, в «Хуго Боссе» днем не шастают. Только по ночам. Поэтому я неопределенно пожал плечами.

– Нет, меня не интересуют денежные знаки. Вообще-то, конечно, интересуют, но не в данном контексте.

Грамотные какие... говорят так красиво – заслушаешься.

– А что же тогда?

– А сам не догадываешься?

– У нас здесь что, эфир с Галкиным? Тогда мне нужен звонок другу или помощь зала.

А лучше – возьму деньгами.

– Ты еще ничего не выиграл. И вряд ли выиграешь... Короче, хватит тут в остроумии соревноваться, я и так завис. – Булгаков сменил тон на жесткий. – Даешь какую-нибудь тему, а я даю возможность договориться с терпилами.

– Какую еще тему?

– Например, про Суслятину. Есть у меня подозрения, что живет он не на трудовую копейку. Совсем не трудовую. Или про Тихоню. Тоже очень перспективная личность, не говори, что не знаешь такого... Всё, естественно, между нами.

Этого следовало ожидать. Что они еще могут предложить? Или стучи, или плати.

Богатый выбор.

– А нет ли третьего варианта? – на всякий случай уточнил я.

– Конечно. Ты садишься.

– У меня есть время подумать?

– Да. Целая минута. – Булгаков перевернул сувенирные песочные часы, стоящие на столе.

Собственно, если бы я даже и хотел, то ничего бы про Геру не рассказал. Кроме того, что на зоне он приторговывал травкой, которую поставлял продажный прапор-вертухай. Но вряд ли этот наркотрафик заинтересует господина уполномоченного. Как и наши совместные вечеринки. С Тихоней тоже пусто. Тихоня на то и Тихоня – лишнего не сболтнет.

Когда упала последняя песчинка, я отрицательно покачал головой.

– Увы... Ничего не знаю. И рад бы в рай, да яйца не пускают...

– И рад бы, говоришь?..

– Да... И если что-нибудь узнаю, тут же... Вы понимаете...

– Я тебя за яйца не тянул. И за язык тоже.

Булгаков вытащил из стола чистый лист бумаги и положил передо мной. Затем протянул авторучку, стилизованную под ментовскую резинку, тьфу ты, дубинку.

– Сейчас дашь подписку. Что обязуешься сообщать мне о готовящихся или совершенных преступлениях. Потом я разрешу позвонить Суслятину, чтобы он договорился с потерпевшими.

– А нельзя обойтись без бумажных формальностей? Я вам и так расскажу.

– Нет, – жестко ответил Булгаков, – как только сдаешь что-нибудь серьезное, я возвращу бумагу тебе.

– А если, к примеру, я ничего не смогу найти?

– Придется постараться. Сам понимаешь, долго такая бумажка без дела лежать не может. Максимум полгода. А потом где-нибудь случайно потеряется. Например, в «Эрмитаже». Нет, ты пойми правильно. Я не сволочь и не беспредельщик. Но как иначе? Тебя выпусти без подстраховочки, а потом бегай, лови по всему Питеру. Согласись, не гуманно.

Н-да... Хорош выбор. Как у приговоренного к смерти. Что предпочитаете – топор или клубнику со сливками? Конечно, топор! Тонуть в сливках вкусно, но мучительно.

Будь на моем месте киношный или книжный герой, он скомкал бы бумагу и гордо швырнул в морду Булгакову, а авторучку-дубинку воткнул бы ему в глаз.

Но вся беда в том, что я не герой, а реальный человек, которому совсем не хочется в тюрьму. Я уже успел на собственной шкуре узнать, что такое «собачник», ШИЗО, маски-шоу, лагерная баланда и холод барака.

Поэтому я не комкаю бумагу и не использую авторучку в качестве заточки. Просто смотрю в глаза Булгакову:

– Слушай, отпусти меня, а? Ну, зачем я тебе сдался? Я помогу... Потом.

Булгаков несколько секунд раздумывает, постукивая зажигалкой по пепельнице, затем забирает бумагу и авторучку.

– Ладно... Пойдем.

Он встает из-за стола и подталкивает меня к двери.

– Я могу позвонить Гере?

– Я сам позвоню.

Он отводит меня в камеру.

На часах десять вечера. Вряд ли следователь приедет на ночь глядя. Значит, буду ночевать в чужой кровати. Хорошо бы это пошло в зачет двух суток³. Сомневаюсь, что Булгаков позвонит Гере и прочитает ему стихотворение про узника. Но даже если позвонит, Гера не побежит обрабатывать спартанцев, чтобы те забрали заявку. Ему девочки раны зализывают...

В общем, спокойной ночи, Павел Андреевич. Приятных сновидений.

Обидно, что не смогу вернуть Кериму тысячу. Не большая беда, конечно, но репутация пострадает, слухи поползут, таблоиды опять-таки...

Спал я, как всякий честный человек, снова оказавшийся за решеткой, плохо. Заснуть мешали мелкие насекомые и вопли невинных из соседней комнаты отдыха. Но под утро я все-таки вырубился.

Будь на моем месте граф Монте-Кристо, он рисовал бы план побега, подкупал охрану или обдумывал линию защиты. Но вновь напомним: я не герой. Я человек, которому немножко не повезло в жизни и который поставил на ней, жизни, маленький, но жирный крестик. И если вы случайно, поздним вечером в темной подворотне подойдете ко мне и спросите: «В чем смысл твоего жалкого существования, Павел?» – я, пожалуй, расплачусь.

Но на зону все-таки не хочу.

³ Двое суток – речь идет о задержании на сорок восемь часов до предъявления обвинения.

Глава 4

Сержант-дворецкий поднял меня в начале одиннадцатого. Завтрака и сигары не предложил. Голова была, как футбольный мяч – и так ничего, кроме воздуха, да еще и попинали...

Я снова оказался в оперативном кабинете. Окурков в пепельнице прибавилось. Лицо Булгакова не сверкало утренней свежестью – видимо, он вообще не ложился спать. Его настроение было под стать моей фамилии. То есть угрюмым.

Опер вытащил из стола изъятые у меня вещички – ремень с кобурой, мобильник, часы, шнурки и ключи от квартиры. Осмотрел телефон.

– У кого сорвал?

– Ни у кого. С рук купил у метро. Такой и был... Честно.

– Не возьмешься за ум, посажу. – Он швырнул вещички мне на колени. Забрехала надежда, что на этот раз, кажется, пронесло. – Утром приходили потерпевшие. Заявили, что подрались между собой и претензий к тебе не имеют.

О, как! Похоже, я недооценивал Германа.

– То есть я могу уходить насовсем?

– Можешь... Хотя погоди. Личность ты перспективная, поэтому...

– В каком смысле перспективная? – испугался я.

– В прямом... Поэтому возьму-ка я тебя на личный профилактический учет.

«На учет возьмусь, но в тюрьму не пойду!»

Булгаков открыл сейф, достал цифровой фотоаппарат и бланк какого-то документа, изготовленного на ксероксе. Предложил мне встать к стенке. Хорошо, хоть не спиной. Прицелился и нажал спуск... Вспышка.

– Вообще-то фотографировать разрешено только с моего согласия. Права человека!

– Заткнись... Встань в профиль.

Спорить смысла не было. Повернулся. Состроил героическую рожу. Угрюмов-хан перед походом на Русь.

– Садись. – Булгаков убрал «мыльницу» в сейф и положил перед собой бланк. Заполнил шапку – мою фамилию и прочее. Позор! На дворе двадцать первый век, а сотрудник российской милиции от руки заполняет какие-то бланки вместо того, чтобы воспользоваться услугами Microsoft.

Когда он занес ручку-дубинку над графой «место рождения», зазвенел местный телефонный аппарат времен Берии.

– Да... Понял! Лечу!

Булгаков выдернул из сейфа пистолет, повернул ключ, выскочил из-за стола, положил бланк передо мной.

– Так, заполни сам, здесь ничего сложного. Оставишь на столе, дверь захлопнешь... Да... Ты, кажется, обещал помочь. Я очень надеюсь. Вот мой телефон. Не потеряй.

Он бросил на стол визитку с номером служебного телефона и исчез за дверью, оставив меня наедине с иконой святого Феликса.

Наверно, случилось что-то волшебное, раз он сорвался так быстро и даже не выгнал меня из кабинета. Очень неразумно. Ладно, я человек порядочный, хоть и судимый, но на моем месте мог бы оказаться проходимец или просто ворюга. А в милицеевском кабинете всегда есть чем поживиться. Не столько в материальном плане, сколько в познавательном. Хотя...

Я окинул кабинет заинтересованным взглядом. Сейф, стол и пара стульев. На вешалке милицеевская форма. Сейф закрыт, остается стол.

Я пересел на место хозяина, выдвинул ящик. Никаких отрезанных пальцев или изъятых брюликов. Кипятильник, стакан, лейтенантский погон, сборник застольных песен «За милых дам!», замусоленный уголовный кодекс и старый журнал «Вокруг смеха».

На огрызки карандашей, семечки, гильзы от патронов и мертвых тараканов я внимания не обращал.

Теперь ясно, почему Булгаков не выставил меня за дверь. Но все равно он лох чилийский. Вот возьму и заложу под стул противопехотную мину. Или напишу на кителе краской «Любите меня сзади».

Под стеклом на столе тоже ничего интересного. График дежурств и календарик с Памелой Андерсен за 2002 год. То есть, получается, Памела осталась еще от Добролюбова.

Стоп! А если это провокация? Они, мусора, шустрые на такие каверзы. Смотрит на меня сейчас Булгаков через скрытую камеру и ждет, когда я что-нибудь умыкну. Я ведь пока особо и не рылся в столе и под столом. А на выходе меня прихватывают, обыскивают и вешают статейку. Не прокатило с дракой, прокатит с кражей...

Так-так-так, вот это ближе к истине. Поэтому делаем, что велено, и валим по-быстрому.

А что велено? На учет самого себя поставить? Никаких возражений. Поставим с удовольствием.

Я взял ручку-дубинку.

Итак, место рождения. Дер. Большие Жепени Копчинского уезда. Адрес прописки и проживания. Что ж... Великобритания, г. Лондон, ул. Б. Йорика, замок № 3, строение А, кв. 135.

Я выводил буквы старательно, словно на уроке чистописания. Глумиться, так красиво!

Начнем с судимости. Надо что-нибудь поэкзотичней выбрать. Воспользуемся Булгаковским уголовным кодексом. Вот хорошая статья – принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации. Есть. Незаконное производство аборта. Тоже ничего. Ну и планирование, подготовка, развязывание и ведение агрессивной войны до кучи...

Нет, это перебор. Все должно быть серьезно. Выберем пиратство. Благородная, несправедливо забытая статья.

Идем дальше. Цвет волос, цвет глаз, цвет кожи. Все – зеленое. Шрек Андреевич Угрюмов. Особые приметы. В скобках – шрамы, татуировки, увечья. Местонахождение, описание. Ну, здесь есть простор для фантазии. Портрет голого президента на правом бедре. Надпись «I love Rodinu» на груди. Реклама сотовой связи «Билайн» на спине. Причем черно-желтая. «Живи на яркой стороне».

С татуировками всё. Увечья и шрамы опускаю (еще накаркаю!). Хотя шрам есть. На боку. Фурункул вскочил, резали. А «лепила» молодой оставил рубец с палец длиной. Но я всем говорю, что получил удар ножом во время разборки на зоне. Черный пиар.

Место работы. Тут все просто – «Газпром». Топ-менеджер. Пусть мечты сбудутся...

Состав семьи. Надо подумать... Конечно, хочется в качестве половины вписать Аню Семенович или Настю Заворотнюк, но в это никто не поверит. Может, Памелу Андерсон? Нет, силиконовые женщины не в моем вкусе. Впишу Гошу Куценко. Безволосый брат.

Вписать не успел. В дверь постучались. Скромно так, словно стеснясь.

Я не спрятался под стол. Я же не воровать в кабинет залез. Все вопросы к Булгакову, как там его по имени-отчеству...

Я откинулся на стуле и довольно уверенно произнес:

– Не заперто. Входите.

Дверца отворилась...

– Ой... Паша?

Скажу честно, если бы это происходило в кино, я набил бы сценаристу рожу за такие подставы и потребовал бы вернуть деньги за билет...

Я не сразу узнал вошедшую. Еще бы! Последний раз я видел ее лет девять назад. Если не больше. Но, надо отдать должное памяти, все-таки узнал. Хотя она здорово изменилась. В отличие от меня. Как был мудаком, так и остался.

Одноклассница...

Ксюха.

Не Собчак – Веселова.

Говорят, за мгновение до смерти перед человеком проносится вся его жизнь либо самые яркие её моменты. Не берусь спорить, тьфу-тьфу, я пока не умираю и не умирал раньше. Но что-то похожее сейчас приключилось со мной. С момента вопроса Веселовой до момента моего ответа прошло не более двух секунд. Но мне хватило вспомнить. Не всю жизнь, конечно, но кое-что...

Декорации сменились незаметно и быстро, словно в хорошем театре. (Или после пропущенного прямого в голову.) Кабинет, стол, сейф, милицейская форма растворились в пространстве и во времени. Вместо них появился дворик перед стареньким трехэтажным домиком, скамейка. Снег. Девочка. Ксения Веселова. Из шестого «а» класса. И мальчик. Паша Угрюмов...

Девочка плакала. Паша шел мимо из школы.

– Веселова, чего реवेशь?

– Ничего... Ключи потеряла.

– От дома, что ли?

– Да. На физкультуре.

– Так иди, поищи.

– Уже искала. Бесполезно. Мы же на улице занимались. Я где-то в снегу уронила.

Я присел на скамейку.

– И чего? Домой не попасть?

Веселова скорбно кивнула головой.

– У матери смена ночная, она только утром придет.

Я не знал, где работала ее мать, меня это никогда не интересовало. Знал, что, как и у меня, у нее не было отца. Ну, то есть, вообще-то, был, просто не жил с ними. Или умер.

– Так съезди к ней на работу.

– Туда не пустят... И денег на дорогу нет.

– Позвони, – подкинул я еще один вполне уместный совет.

Ксюха не ответила. Как потом я узнал, ключи она теряла третий раз за четверть, поэтому просто боялась звонить. Вообще, она какая-то рассеянная по жизни. Вечно все теряет, путает, на уроки опаздывает.

– Погоди, у вас же, кажется, коммуналка. Сосед есть.

– Он в больнице.

– Да, повезло тебе. Ну, тогда жди...

Я отчалил. А чего мне тут отсвечивать? Ключи от моего присутствия не вернутся, и дверь, как Сим-Сим, не откроется. Сама виновата. Надо работать над собой.

Признаюсь откровенно – будь на месте Ксюхи Маринка Голубева, я бы не отчалил. Маринка у нас была королевой, все три параллельных класса слюни пускали, несмотря на юный возраст. Я имею в виду мужскую половину. Если вы считаете, что мне в ту пору рано было мечтать о женщинах, глубоко заблуждаетесь. Мечтал и еще как. Даже на уроках труда, а особенно физкультуры. Но только не о Ксюхе. Чего о ней мечтать? Внешность так себе, проигрывает Маринке по всем статьям. Успеваемость? Ну да, хорошистка-отличница. Ботаничка, то есть. Зубрилка. От того ключи и теряет, что о формулах все время думает. Поведение? Замечаний нет. Скучотища. Серый цвет. Да и подколи лишний раз, сразу в слезы. Я понимаю, в детском саду можно сопли пускать, но не в шестом же классе?

В общем, совсем не женщина моей мечты.

Правда, пару раз дала списать на контрольной по английскому. Так это не заслуга, а почетная обязанность каждой порядочной одноклассницы.

Не знаю, почему я тогда не отвалил окончательно, а, пройдя десять шагов, оглянулся.

Веселова опять ревела. Блин, подумаешь, ночь дома не переночует! Мне, например, за счастье.

Я вернулся. Да, жаль, она не Маринка. Я б утешил...

– Кончай реветь. Чего делать будешь?

Она снова не ответила. А еще отличница.

– Ну, дуй к кому-нибудь из наших.

Вновь отрицательный кивок. Ни с кем из наших девчонок Веселова особо не дружила. Пожалуй, только с Голубевой, с которой сидела за одной партой. Ксюха училась у нас не с первого класса. Пришла из другого района. После развода родителей им с матерью досталась комната в коммуналке.

Я посмотрел на дом.

– Какая у тебя квартира?

Она ожила и показала на окно первого этажа. Форточка на защелке, не залезть.

– А эта чья? – Я кивнул на соседнее окно с открытой форточкой.

– Соседа.

– Жаль. А то я бы залез...

На самом деле мне делать больше нечего, как по форточкам лазить. Еще навернешься башкой о подоконник. Да и не мастер я... Но как не пустить пыль в глаза женскому полу? Типа, я бы легко, но раз соседа, значит, соседа – good by, baby!

– Так залезь. У него комната на защелке. Легко открыть.

Оба-на! Пустил пыль, идиот. Выкручивайся теперь.

– А общую дверь можно без ключа открыть?

– Конечно! – вскочила со скамейки Ксюха. – Колесико повернуть, и всё! Паша, пожалуйста... залезь.

Правильно наша географичка говорила: не выучил урока, не тяни руку. Поднял – иди к доске.

Я еще раз посмотрел на окно. Высоковато. Сначала надо забраться на подоконник с клумбой. Это несложно. А потом?... Да и форточка узковата, не застрять бы...

– Слушай, Веселова... Я сейчас спешу. На тренировку. Через два часа вернусь и залезу. А ты пока ключ поищи. Или в парадной погрейся.

– А ты точно вернешься?

Вообще-то, не точно. Совсем не точно. Подозреваю, что на тренировке получу травму.

– Ну да... Ну, может, через три часа.

Тон был неубедительный, и, похоже, она заподозрила обман.

– Паш, залезь, пожалуйста. Ну что тебе стоит?

Оба-на! Придется лезть. Иначе весь класс завтра будет знать, что я сдрейфил. И Маринка Голубева узнает. Зато, если наоборот... «Не оставил человека в беде – честь и слава!»

– Ладно... Попробую.

Я кинул на снег портфель, разрисованный комиксами, пропагандирующими безопасный секс. (Это не мое творчество: нарисовали на портфельной фабрике по заказу Министерства образования.) Снял куртку и свитер. Размялся. Небрежно буркнул «я ща» и двинулся на штурм.

На подоконник вскарабкался с третьей попытки. Хорошо, клумба выдержала. Веселова подбадривала стонами «Давай, давай!» («Шевелись, скотина!»)

Даю... Холодно, однако, в рубашечке. Февраль все-таки. Долго не напрыгаешься.

Теперь нужно решить, каким стилем забираться в форточку: вперед головой или ногами (вернее, ногой).

Головой удобней, но велик риск сломать шею о подоконник при падении. Если же ногой – есть шанс застрять и замерзнуть насмерть.

В общем, либо быстрая смерть, либо медленная.

Выбрал быструю, чтоб не мучаться. Ухватился руками за раму, подпрыгнул и нырнул в форточку головой вперед. Довольно удачно. Плечи и грудь пролезли. Я стал похож на парашютиста, совершающего затяжной прыжок. Висел на раме практически горизонтально. Оставалось протолкнуть внутрь все остальное.

Но тут в расчет вкралась подлая ошибка. Мне крайне неловко в этом признаваться, но на том этапе моей жизни окружность живота превышала окружность плеч. Сейчас-то я Рэмбо, а тогда был Винни-Пухом.

Одним словом, я застрял. Попытался найти точку опоры, но, кроме занавески, ничего не нашупал. Схватил и потянулся вперед. Занавеска ушла вниз вместе с карнизом, по пути опрокинув стоящий на подоконнике засохший фикус.

Наверно, снаружи мизансцена выглядела трагично. Две торчащие из форточки оглобли в ботинках. И не просто торчащие, а активно жестикулирующие. И, конечно, это не могло не снискать зрительских симпатий.

– Ты куда полез, а?!

Голосок принадлежал тетке пенсионного возраста и наверняка сволочного характера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.